

14 в 7 год

1984

Советская молодежь

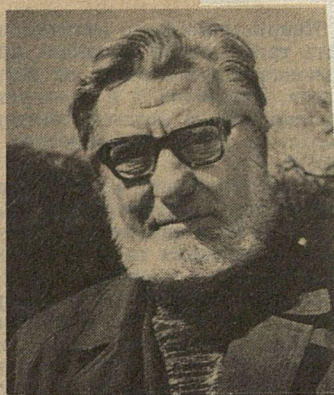
г. Рига

- 1 СЕН 1984

— Я внук моряка! — гордо говорит пятилетний Юрис. Еще ни разу он не назвал себя внуком писателя, хотя имеет на это полное право. Видно, такова мальчишечья шкала ценностей. Но больше всего это радует самого дедушку — писателя Эгона Лива.

— Очень хотел бы видеть его моряком, — признается дедушка. — То, что он рисует главным образом корабли, — это само собой разумеется. А вот на прошлой неделе я впервые взял его в море. Сколько было восторга, сколько рассказов! На настоящем рыбацком судне, с настоящими рыбаками...

— Ошибаетесь. Несколько лет назад такой же вопрос я услышал на встрече с читателями. И честно ответил — да, писал стихи, но это были стихотворные послания девочкам-ровесницам, ценность их, сами понимаете, невелика, и даже хорошо, что они не уцелели. И, представьте себе, вдруг в зале поднимается женщина и, ко всеобщему восторгу, заявляет: «Эгон! Твои стихи сохранились!». Оказалось, это и есть одна из адресаток. Потом мы пошли к ней в гости, и я встретился со своими «шедеврами»... Их автору было тогда четырнадцать лет.

Э. Лива

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

БЕЗ ЭКЗОТИКИ

Писателю Эгону Ливу — 60 лет

Тут дедушка вздохнул.

— Сам бы ушел в дальний рейс, но врачи не пускают. Когда летом на даче по утрам слышу шум далеких рыбацких кораблей, это для меня как оркестр...

— Еще бы! Столько лет отдано морю! И, наверно, началось все в далеком детстве...

— Кто из липайских мальчишек не мечтал о парусах, коралловых рифах, штормах и матросской форме! Я не был исключением. Даже пробовал удирать из дому — три дня пропал на норвежском судне. На четвертый нашли и вернули домой. Мечта в общем-то реализовалась, хотя и без особенной экзотики. Я много лет проработал в рыболовецком колхозе «Большевик», ходил в Атлантику, в Северное море.

— Ваш литературный дебют состоялся сравнительно поздно — море не отпустило?

— Последние пять лет моей «моряцкой деятельности» прошли на берегу: был диспетчером. Потом пришлось решать — море или литература. И решил. Хотя резкой границы для меня тут нет. Я пишу о людях моря — о капитанах, штурманах, матросах. С одной стороны, я знаю их быт, их заботы и проблемы, и у меня нет беспокойства насчет достоверности фона. Конечно, мой капитан Ноль мог бы быть и молодым председателем колхоза, и шофером... Но в море, кроме всего прочего, ярче проявляются характеры, острее конфликтные ситуации. Эту жизнь, жизнь «настоящих мужчин» я люблю и знаю.

— Редко встречаешь писателя-прозаника, который бы в юности не увлекался стихами. Мне кажется, что вы мальчиком писали про фрегаты и бригантины.

— Как-то не принято накануне празднования юбилея спрашивать не о творческих планах, а о семье, близких людях, домашней атмосфере. И все-таки...

— Все правильно, без всего этого невозможна и полнокровная творческая жизнь. И писатель должен реализоваться не только как создатель литературных произведений, наедине со стопкой бумаги и карандашом. Наши близкие всегда должны быть рядом, и чувство ответственности никогда не должно нас покидать. Мой первый критик — жена. Когда я перепечатаю очередной рассказ, первым делом вслух читаю ей и слежу — заинтересовалась, заскучала, развеселилась, радуется, недовольна... Кстати, несколько рассказов по ее милости так и не дошли до читателя — порвал. И не жалею об этом. Более двадцати пяти лет мы прожили с Эдите Кристаповной. И все это время она была моим преданным другом. Кстати, мой рабочий стол изготовил ее отец еще в тридцатые годы. Вот какое Эдите принесла мне приданое...

— И все ваши повести, рассказы, киносценарии созданы за этим столом?

— Да. И это — немало...

— Попробуем сосчитать. «Близнецы Чертова кража», «Прелюдия», «Капитан Ноль», «Ночь без птиц», «Баня старых романтиков»...

— Проще так — все это собрано в девяти книгах, а также появилось на экранах в семи фильмах.

— А что теперь в работе — роман или киносценарий?

— Ни то, ни другое. Слышали ли вы имя Кристиана Далса?

— Нет. Это герой вашего будущего произведения?

— Вот оно, это произведение, лежит на столе. Не

повесть и не рассказ. Журнальная статья, посвященная восьмидесятилетию со дня смерти Далса. Я теперь серьезно занимаюсь историей судостроения в Латвии. А в ней существует не столько проблема «отцов и детей», сколько проблема «дедов и внуков». Интереснейший период оказался практически не изученным. Я раздобыл гору старых мореходных журналов, хожу по библиотекам. А швед Кристиан Далс — основатель первой морской школы в Айнажи, той самой, про которую сложили песню Петерс и Паулс. Потом он руководил Липайской морской школой, к нему приезжали учиться из многих городов России. Он, кстати, доказал, что судно может в навигационный сезон подняться вверх по Оби на 2 000 верст. А вот такая деталь его биографии — приехав в Латвию, он не знал латышского языка и, чтобы иметь возможность преподавать морское дело, выучил его за полгода. В 1989 году исполнится 150 лет со дня рождения Далса. Не знаю, что я напишу об этом человеке, но уже сейчас готовлюсь, собираю материалы. И если кто-то из читателей вашей газеты располагает ими — милости прошу!

— То, что вы делаете, — это словно выполнение долга моряка перед товарищем.

— Перед товарищами. Мы, старые моряки, по сей день ежегодно собираемся в Айнажи, в морской школе. Она у нас — навсегда. А это кое-что значит...

— Так что прав маленький Юрис, внук моряка?

— Выходит, что прав.

Интервью вела
Д. ВИТТ.